

Лариса Черкашина

ТРИ ВЕКА С ПУШКИНЫМ

Странствия рукописей и реликвий

Лариса Черкашина

**Три века с Пушкиным.
Странствия рукописей и реликвий**

«ВЕЧЕ»

2023

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622+83.3(2Рос=Рус)

Черкашина Л. А.

Три века с Пушкиным. Странствия рукописей и реликвий /
Л. А. Черкашина — «ВЕЧЕ», 2023

ISBN 978-5-4484-8811-5

«Три века с Пушкиным» - именно столько пытаются распознать феномен русского гения многочисленные его почитатели и поклонники. Будто по крупитцам собирая бесконечный пазл и всякий раз убеждаясь: нет, не под силу никому завершить тот замысел! Быть может, впервые на страницах этой книги найдены точки пересечения Пушкина, прежде неведомые, с великими именами в мировой культуре: Андерсеном, Достоевским, Буниным. В книге мирно сосуществуют герои разных эпох: Пётр Первый и его питомец Абрам Ганнибал, внук поэта Леонтий Дубельт и танцовщик Серж Лифарь, пушкинист Модест Гофман и великий князь Михаил Михайлович, правнук поэта Александр Мезенцов и наш современник барон Эдуард Фальц-Фейн. «Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унёс с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем», - провидчески произнёс некогда Фёдор Достоевский. Словно завещав нам, грядущим поколениям, не оставлять тех попыток. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622+83.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-8811-5

© Черкашина Л. А., 2023

© ВЕЧЕ, 2023

Содержание

Предисловие	8
Фонд Манускриптов	10
Как канарейки спасли «Петра Великого»	10
Три сестры из Лопасни	10
«Овсянка» и «серебряная россыпь»	11
Архивная магия	14
Из семейных преданий	16
Незавершённая история	19
От швейцарского Монтрё до тверского Погорелого Городища	24
Сближения	24
Принцесса Дагмар и славный сказочник	25
Сказочное путешествие	28
Дорога к Пушкину	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Лариса Черкашина

Три века с Пушкиным.

Странствия рукописей и реликвий

Моим сыновьям Филиппу и Дмитрию

В оформлении книги использованы портреты, гравюры и фотографии из собраний Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Всероссийского музея А.С. Пушкина, Государственного музея А.С. Пушкина, Литературного музея А.С. Пушкина (Вильнюс), Государственной Третьяковской галереи, частных коллекций.

Все цитаты в книге приводятся с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

Названия фондов даны по задумке автора, но приведённые в книге свидетельства и документы – подлинные, хранящиеся в российских и зарубежных архивах.

На обложке книги представлена картина заслуженного деятеля искусств Н.П. Ульянова «Пушкин за рабочим столом» (1936).

На титуле представлена картина народного художника Российской Федерации Б.А. Диодорова «Пушкин в Погорелом Городище» (2021).

© Черкашина Л.А., 2023

© ООО «Издательство «Вече», 2022

Предисловие

Кажется, жизнь Александра Пушкина известна не только по месяцам, дням, но даже и по часам. И всё же есть место открытиям и новым находкам. Свидетельство тому – эта книга, которую вы, дорогой читатель, держите сейчас в руках. Стоит её раскрыть, чтобы убедиться: многое, что рассказано в ней, прозвучит впервые.

Исторические открытия свершаются ныне, как правило, в архивах – и не только в государственных, но и в частных, фамильных. Архивные тайны – не фантазии, они реально существуют. словно в доказательство собрания древних раритетов, подобно Балтийскому морю, время от времени «выплескивают» на отмели янтарные «самоцветы»: неведомые рукописи, письма, документы... Архивы обладают невероятной магической силой. Власть подлинного документа завораживает.

Архив не отпускает, он, как живое существо, подбрасывает новые загадки, поддразнивает, увлекает в свои дебри, кружит. И не сойти, не свернуть с архивной тропы... В собрании древностей можно увязнуть или «зарыться», по признанию самого Пушкина, на месяц, а то и на полгода!

Архивы схожи с античными Помпеями: свои раскопки, свои археологи-архивисты и огромный нетронутый исторический пласт! Ведь и древний город, погребённый под пеплом на целые тысячелетия, откопан всего лишь на треть. И как тут не вспомнить Пушкина, его шутовское признание жене: «Жизнь моя пребеспутная! Дома не сию – в Архиве не роюсь». Замечу, поэт пишет слово «архив» уважительно, с прописной буквы!

Важно, сам Пушкин ценил магию неведомого подлинника: «Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были не что иное, как отрывок из расходной тетради или записка к портному об отсрочке платежа. Нас невольно поражает мысль, что рука, начертавшая эти смиренные цифры, эти незначащие слова, тем же самым почерком и, может быть, тем же самым пером написала и великие творения – предмет наших изучений и восторгов».

Знаковое откровение! Древняя грамота, летописная страница или стародавний царский указ – для поэта «предмет... изучений и восторгов».

Вспомним, как посмеивался Пушкин над иностранцами-дилетантами, писавшими о неизвестной ими русской жизни. Даже над любимым Байроном: его герой едет русской зимой «в Петербург в кибитке, беспокойной повозке без рессор, по дурной, каменистой дороге». И справедливо пенял знаменитому шотландцу, никогда не видевшему России: «Зимняя кибитка не беспокойна, а зимняя дорога не камениста». Потому-то Пушкин и отправился в Погорелое Городище, чтобы воочию увидеть край земли, соединённый с судьбой одного из его предков.

История та восходит к XVII веку, к Смутному времени. В декабре 1826-го по пути в Москву Пушкин посетил небольшое селение Тверской губернии Погорелое Городище. Поэт заехал в старинный посад, который некогда оборонял Гаврила Пушкин, с целью разыскать фамильные документы, уцелевшие с тех далёких времен. В 1617 году, когда войска польского королевича Владислава в большой силе подступили к крепости Держиславль (так тогда именовался посад), воевода Гаврила Пушкин приказал её сжечь, но не оставлять полякам. Грамота, найденная поэтом, была жалована Михаилом Фёдоровичем, первым царём из Дома Романовых, в 1621 году и освобождала жителей сгоревшего посада от податей.

«Нашед в истории одного из предков моих, игравшего важную роль в сию несчастную эпоху, я вывел его на сцену, не думая о щекотливости приличия... но безо всякой дворянской спеси» – так писал поэт о своём именитом предке в черновых набросках задуманного им предисловия к «Борису Годунову». Воеводе Пушкину суждено было стать одним из героев траге-

дии, имевшей небывалый успех: *«Он был всем, чем угодно, даже поджигателем, как это доказывается грамотой, которую я нашёл в Погорелом Городище – городе, который он сжёг...»*

Ставшие хрестоматийными пушкинские строки: «Гаврила Пушкин – один из моих предков, я изобразил его таким, каким нашёл в истории и в наших семейных бумагах. Он был очень талантлив – как воин, как придворный и в особенности как заговорщик».

Не случайно Александр Сергеевич как-то признался: «Я чрезвычайно дорожу именем моих предков, этим единственным наследством, доставшимся мне от них». И столь же светлое незапятнанное имя, как нетленное достояние, мыслил передать будущим потомкам. Пушкин пытался прозреть их будущность, надеясь и веруя, что та, «веков завистливая даль», будет ясной и безоблачной.

Не случилось. Судьбы детей, внуков и правнуков поэта сложились подчас трагично. Как трагичен был и сам XX век, выпавший на их долю. Но важно, никто из них не посрамил память великого предка, никто не отрёкся, даже в изгнании, от любви к нему, а значит – к России.

Фонд Манускриптов

Как канарейки спасли «Петра Великого»

На волю птичку выпускаю...

Александр Пушкин

Три сестры из Лопасни

Летом достопамятного XVII в Лопасне приключилась история, коей суждено было войти первой строкой в летопись Пушкинианы XX столетия! Как ни парадоксально, но свою лепту в «находку века» внесли обыкновенные... канарейки.

Заповедная усадьба Лопасня-Зачатьевское, входящая ныне в подмосковный Чехов, имеет свою давнюю историю. Возведённый в середине XVIII века в стиле барокко усадебный дом, окружённый чудесным ландшафтным парком с живописными каскадными прудами, принадлежал некогда генералу Николаю Васильчикову, герою войны 1812 года.

Жена боевого генерала Мария Петровна приходилась родной сестрой Петру Петровичу Ланскому, ставшему после смерти поэта супругом его вдовы. Дочь Васильчиковых Екатерина венчалась в фамильной церкви Зачатия Праведной Анны с Иваном Гончаровым, родным братом Наталии Николаевны. Да и старший сын поэта Александр был связан родственными узами с Ланскими: женат был на Софье Александровне, племяннице отчима.

Пушкин никогда не бывал в Лопасне, но именно эта старинная усадьба, а не Михайловское или Тригорское, не Берново либо Малинники могла бы быть самой любимой поэтом... При одном, заведомо невыполнимом условии: доведись Александру Сергеевичу знать, что неведомая ему подмосковная вотчина станет родной для его внуков и правнуков. Не зря ведь, «Пушкинским гнездом» именовали в народе усадьбу Лопасня-Зачатьевское.

Двойное название имения мистическим образом отразилось и в двойственной природе усадебного парка. Один – привычный, некогда регулярный, старый заросший парк, второй – невидимый глазу... Но вопреки своей метафизической сущности столь же реальный, и аллеи в нём именные, родословные: Васильчиковых, Ланских, Пушкиных, Гончаровых. Кроны фамильных древ сомкнулись, раскидистые ветви причудливо переплелись.

В начале XX столетия тогдашние владелицы имения – три сестры Екатерина, Наталия и Надежда, – дочери Ивана Николаевича Гончарова, слыли большими любительницами канареечного пения: в гостиной, недалеко от камина, висела большая клетка с голосистыми птицами. В их гостеприимном доме в лихолетье Первой мировой и нашло приют всё семейство Григория Александровича Пушкина, внука поэта, состоявшее из его супруги Юлии Николаевны и пятерых сыновей. Стоит пояснить: старшие из сыновей Юлии Пушкиной носили фамилию её первого мужа – Катыбаева.

Летом 1917-го тётушки Гончаровы давали урок французского братьям Катыбаевым: Фёдору и Николаю. Десятилетний Николай первым заметил листы плотной голубоватой бумаги, проложенные между прутьями клетки и стеной так, чтобы птицы не могли щипать обои. Странные большие листы были сплошь исписаны какими-то коричневыми чернилами. После занятий Николай попросил у горничной точно такой же бумажный лист, нужный ему

якобы для воздушного змея. Горничная отвела мальчика в подвал, в кладовую, где из деревянного, окованного железом сундука и вытащила заветный листок.

Едва дождавшись субботы, когда из Москвы со службы приехал отчим Григорий Александрович, Николай взахлёб рассказал ему всё – и о канарейках, и о старой бумаге, и о потайном сундуке. Тот, только взглянув на исписанный лист, воскликнул:

– Дети! Да ведь это рукопись моего деда, и по всему, вероятно, «История Петра»!

Усадьба Лопасня-Зачатьевское, где была найдена пушкинская рукопись «История Петра». Фотография автора. 2014 г.

Так были спасены от бесславной кончины исторические заметки поэта о Петре I, составившие позже целый том в академическом собрании сочинений. И названные «находкой века»!

«Кроме повестей, о которых в письме вашем упоминать изволите, – предварял Александр Сергеевич свои известные «Повести Белкина», – Иван Петрович оставил множество рукописей, которые частью у меня находятся, частью употреблены его ключницею на разные домашние потребности. Таким образом прошлую зимою все окна её флигеля заклеены были первою частию романа, которого он не кончил».

Не предвидение ли то печальной судьбы собственной рукописи, чуть было не пущенной «на разные домашние потребности»?!

«Овсянка» и «серебряная россыпь»

История неожиданного обретения рукописи схожа с рождественской сказкой. Со счастливым концом, ведь архивные труды Александра Сергеевича не канули в Лету. И тем спасением (в какой-то мере!) отечественная словесность обязана малым певчим птицам!

Нет, недаром Пушкин знал и любил птиц, не единожды отдавая им поэтическую дань. А помимо стихотворных строк даровал порой и сладкую свободу:

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.

Я стал доступен утешенью;
За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

Как ни странно, есть исследователи, кои уверяют: на Благовещение Пушкин выпускал из клеток... канареек!

Нет, канарейки – птицы домашние, южные, и на воле, в холодной России, им не житьё. А для той благой цели продавались иные птахи. «В Страстную неделю и в неделю Светлого Воскресения разносят птичек в клетках, как-то: жаворонков, синиц, подорожников, – писал историк, – и продают их, с условием на выпуск».

С этими пушкинскими стихами связано иное, укоренившееся заблуждение. Правда, птиц на Руси принято было выпускать на Благовещение. Но в Петербурге бытовала иная традиция: свободу пернатым пленницам даровали на Пасху, в день Светлого Христова Воскресения. Да и сам Пушкин из Бессарабии, «чужбины», напоминает о том Николаю Гнедичу: «Знаете ли вы трогательный обычай русского мужика в Светлое Воскресение выпускать на волю птичку? вот вам стихи на это...»

В том 1823 году Пасха, «светлый праздник весны», пришлась на 22 апреля, а пушкинская «Птичка» «вспорхнула» на бумажный лист ровно через три недели, в воскресный майский день. Но вот какой птице Пушкин даровал тогда, в апрельском Кишинёве, свободу? Этого уж не узнать. Однако точно не канарейке.

Да, крохи-певуньи родом с испанских Канарских островов (увы, не «вольные птицы»!) были любимы многими русскими семьями, но особо знали и ценили их мелодичные трели Гончаровы. Да и сама их фамильная усадьба, вернее, село Полотняный Завод Медынского уезда Калужской губернии, славилось на всю Россию своим канареечным промыслом. С младенчества слышала пение жёлтых птах, все их благозвучные переливы и россыпи, Наташа Гончарова, равно как и пятеро её братьев и сестёр. Любопытна краткая запись, уцелевшая в фамильном архиве: «Пять пар кинареек (sic!)». Пометку сделал для памяти Афанасий Николаевич, купивший на ярмарке певчих птиц для любимицы-внучки Ташеньки. Как радовалась дедушкиному подарку девочка!

Наслаждался канареечными трелями и сам Александр Сергеевич, бывая в Полотняном то на правах жениха, то как отец семейства. Дети поэта, сызмальства жившие в калужской усадьбе, могли созерцать маленьких певуний в изящных клетках, развешенных в кабинетах и гостиных господского дома.

Что и говорить, канарейки из Полотняного Завода заслуженно снискали славу как необычным строем самой песни, так и особой её задушевной мелодичностью.

Начиналось пение с переменного, тихого входа нескольких музыкальных фраз, колен. Вначале шло колено, именуемое «овсянкой», затем слышался сладкозвучный тур «валик», плавно перетекавший в чудесную «серебристую россыпь». Песня звенела, набирала силу, рвалась вверх: знатоки различали птичьи колена, имевшие свои особые названия: «колокольчик», «кулики», «дудка». Низкой, густой либо, напротив, высокой звонкой трелью и завершался канареечный концерт. Под одобрительный гул и восторженные возгласы благодарных слушателей.

Бытовала своя «канареечная школа». Обучение пению начиналось так: подросших молодых самцов отделяли от самок; подвешивали клетки с «молодёжью» близко к испытанному, знающему своё дело певцу, дабы «солисты» перенимали от «старика» музыкальные премудрости. Да и сами заводчики обучали пернатых питомцев, наигрывая для будущих «звёздочек» красивые мелодии на особом органчике или насвистывая на дудочке.

Не только купцы да приказчики, но и фабричные рабочие занимались полюбившимся в этом Калужском краю занятием промыслом. Ездили торговать «певучим товаром» в разные российские города, а иные смельчаки добирались и до Китая. Канареечный же промысел (или «канареечную охоту») величали не иначе как «изящным».

Но чаще за молодыми кенарями наезжали в Полотняный Завод скупщики. Вот обычное газетное объявление тех лет: «Пятьсот штук канареек только что привезены из Калуги, отлично поют днём и при огне...» Цифры впечатляют: каждый год из Полотняного Завода «разлетались» по городам и весям до четырёх тысяч канареек! Вот уж, «певчая столица» России!

Гостиная лопасненского дома. Фотография автора. 2015 г.

Самочки ценились дешевле, а кенари – много дороже. На особо выдающихся певцов цена доходила до пятидесяти рублей за особь. По тем временам – цена высочайшая. За искусного кенаря не скупилась порой отдать и породистого жеребца!

...Экскурс в недавнюю нашу историю. В XX веке, вернее в постреволюционной России, любовь к канарейкам стала стремительно угасать. Да и самих милых певуний объявили вдруг «символом мещанства»! Особо звал на борьбу с «оголтелыми канареицами» Владимир Маяковский:

Скорее
голова канарейкам сверните —
чтоб коммунизм

канарейками не был побит!

Да, поистине страшная «угроза» нависла над светлым и радужным будущим! Любопытно, стихи пролетарского трибуна явились на свет через столетие после пушкинской «Птички». В одних – призыв «свернуть головы» – надо полагать, не одним канарейкам (!); в других – даровать свободу, и не только птахам.

Коммунизм «был побит» отнюдь не канарейками! Прорастёт через все невзгоды иное столетие, и в возрождённом из послевоенных руин дворце-музее Гончаровых в Полотняном Заводе вновь защебечут бывшие любимицы.

...Но вернёмся в подмосковную Лопасню. Тётушки Гончаровы, хозяйки имения, доводились родными племянницами Наталии Николаевне. Как у всего фамильного клана Гончаровых, любовь к канарейкам была у них в крови. Нельзя исключить, что канарейки из Лопасни (те самые, что «спасли» пушкинскую рукопись!) имели своих «прародительниц» из Полотняного Завода. Связь-то самая что ни на есть прямая, родственная!

Архивная магия

А начиналось всё с архивов. Сколько часов, дней, недель провёл Пушкин в их недрах! Это увлекательнейшее для историка занятие сродни, быть может, игорному азарту!

Образ царя-реформатора волнует, будоражит воображение: Пушкин уже давно пытается облечь деяния Петра не только в поэтическую ткань, но и в строгую историческую прозу.

Мысль о том зрела у Пушкина давно, чему свидетельством дневниковая запись Алексея Вульфа от сентября 1827 года: на рабочем столе, за коим сидел поэт, «в молдаванской красной шапочке и халате», среди прочих книг заметил мемуарист и «Журнал Петра I». А сам Пушкин делился тогда с приятелем новым и необычным замыслом.

Цель трудна и почти недостижима – возродить из небытия образ русского исполина. Но не привычным путём воспевания и возвеличивания царя-преобразователя России. Славословиями не оживить фигуру Петра – бронзовую ли, восковую ли «персону», – не наполнить её животворными силами, не вдохнуть жизнь... А лишь воскрешая бывшие дни из крошечных, разлетевшихся во времени фрагментов, каждый из которых должен занять свою нишу бытия. Только так, подобно археологам, можно вновь слепить из осколков античную вазу или амфору, воссоздать целостность первообраза. Всё это сродни некоему чародейству!

Пушкина легко представить чернорабочим архивных недр. Какое же великое множество забытых челобитных, указов, жалоб, реляций пришлось ему буквально перелопатить, чтобы повернуть вспять течение времени и, в нарушение незыблемого закона, дважды войти в одну реку!

Работа без оглядки на сиюминутные реалии, на строгость цензуры, это работа – на вечность.

Не «архивный государь», но могучий, полный праведной ярости русский царь врывается в жизнь со страниц «Полтавы»!

Из шатра,
Толпой любимцев окруженный,
Выходит Пётр. Его глаза сияют.
Лик его ужасен. Движенья быстры.
Он прекрасен,
Он весь как божия гроза.
Идёт. Ему коня подводят.

Вот уже медный Пётр, августейший всадник, оглашая звоном копыт петербургские мостовые, мчится за дерзким безумцем:

А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?

Но гениальные строфы рождены буйством поэтической фантазии! Иное дело – историческая проза, строгая, документальная. Дабы архивы смогли приоткрыть свои тайны, «дове-рив» их отважному незнакомцу, нужно разрешение самого государя. Николай I дозволение дал, о чём Пушкин в июле 1831 года радостно сообщает другу Нащокину, из Царского Села в Москву: «Нынче осенью займусь литературой, а зимой зароюсь в архивы, куда вход дозволен мне царём. Царь со мною очень милостив и любезен».

Следом летит письмо в Петербург Петру Плетнёву: «Кстати скажу тебе новость... царь взял меня в службу – но не в канцелярскую, или придворную, или военную – нет, он дал мне жалование, открыл мне архивы, с тем, чтоб я рылся там и ничего не делал. Это очень мило с его стороны, не правда ли? Он сказал: *Puisqu'il est marié et qu'il n'est pas riche, il faut faire aller sa marmite*¹. Ей-богу, он очень со мною мил».

Время движется своим чередом: Александр Сергеевич зачислен в Коллегию иностранных дел, допущен к работе в архивах. Знакомцы поэта спешат оповестить о знаменательном событии. Вот и Орест Сомов, критик и журналист, делится своими восторгами с приятелем: «Скажу вам приятную новость: Пушкин сделан историографом Петра Великого, причислен к Иностранной Коллегии, и велено открыть ему все возможные архивы... Спасибо Царю за Пушкина».

Новость, однако, не всеми принималась столь ликующе. Так, Александр Яковлевич Булгаков, московский почтовый директор, с иронией замечал в письме к брату Константину: «Лестно для Пушкина заступить место Карамзина, ежели только правда это. Пусть употребит талант свой, ум и время на дело полезное, а не на вздорные стишки, как бы ни были они плавны и остры».

У Пушкина – не одни злопыхатели, явились и... конкуренты. Уже давно «возделывает» сию ниву – воссоздание деяний Петра на фоне его эпохи – оппонент поэта Павел Свиньин. Литератор, он же историк и собиратель древностей. Павел Петрович крайне раздосадован, что Пушкин вторгся в его область, как он убеждён, безо всяких на то прав. «Читали ли вы повести Белкина? Как Вам кажутся? – риторически восклицает он. – По-моему, проза не поддержит славы творца Руслана, и я не понимаю, как Правительство могло возложить на поэта дерзкого, своенравного, прихотливого – писать Историю Петра Великого (если это правда!). Удивляюсь, как и Пушкин взялся за предмет столь трудный, скучный, многодневный? Впрочем, чему дивиться: нынешним Гениям всё возможно: он, чай, не откажется пойти в Адмиралы?»

Верно, не зря в эпиграмме «Собрание насекомых» Пушкин так метко окрестил Свиньина «российским жуком»! Да и «героем» пародийной детской сказки «Маленький лжец» выведен всё он же, «лжец» Павел Петрович.

Однако все те досужие разговоры, если и долетали до ушей поэта, не могли охладить его исследовательский пыл: он всецело поглощён открывшимся перед ним новым увлекательным

¹ Раз он женат и небогат, надо дать ему средства к жизни (буквально: «заправить его кастрюлю») (фр.).

поприщем. На исходе 1831-го Николай Языков пишет брату: «Пушкин только и говорит, что о Петре... Он много, дескать, собрал и ещё соберёт новых сведений для своей истории, открыл, сообразил, осветил и прочее...»

Отголоски тех кропотливых архивных розысков в письмах поэта к жене: «Ты спрашиваешь меня о «Петре»? идёт помаленьку; скопляю матерьялы – привожу в порядок – и вдруг вылью медный памятник, которого нельзя будет перетаскивать с одного конца города на другой, с площади на площадь, из переулка в переулок».

«С генваря очень я занят Петром».

«В Архивах я был и принуждён буду опять в них зарыться месяцев на 6; что тогда с тобою будет? А я тебя с собою, как тебе угодно, уж возьму».

По слову Пушкина, и сбылось: ныне ученические тетради Наташи Гончаровой стали достоянием Российского государственного архива! Теперь на соседних стеллажах рядом с древнейшими манускриптами хранятся и тетрадки юной Натали. На их последних страницах, исписанных круглым детским почерком, синеют маленькие прямоугольники штампов: «Государственных архив древних актов». Записи будущей избранницы поэта стали достоянием истории, документами государственной важности.

История – дама с причудами: в особняке на Большой Пироговке хранится не только доставленный из калужской усадьбы Полотняный Завод «Фонд Гончаровых», но и перешедший туда архив Коллегии иностранных дел, документы коего Пушкин тщательно изучал во время работы над «Историей Петра» и где на одном из дел сохранились его пометки.

Вот что любопытно, – «пустышка» Натали, как её «окрестят» в XX веке, знала о работе мужа над «Историей Петра», живо интересовалась, как продвигается его труд. И Александр Сергеевич поддерживал её интерес. Тем более что царь Пётр был почитаем в семействе Гончаровых: именно он способствовал зарождению их фамильного дела. Первый российский флотоводец Пётр I с отеческим вниманием следил за деятельностью Афанасия Гончарова, чему свидетельством обращённые к нему письма. В «Истории Петра» Пушкин не преминул упомянуть о том: «В 1717 году из Амстердама подрядил Пётр между прочим плотинного мастера и послал его к калужскому купцу Гончарову, заведшему по его воле полотняную и бумажную фабрику. Пётр писал Гончарову».

Прежде гостиную дворца в Полотняном Заводе украшал парадный портрет патриарха гончаровского рода: старец в напудренном парике с завитыми локонами, в бархатном камзоле. Острый ироничный взгляд, тонкие поджатые губы – портрет скорее царедворца, нежели владельца многих заводов. В руке Афанасия Гончарова, как величайшая драгоценность, письмо Петра Великого!

Из семейных преданий

Сопричастность с судьбой России и собственным древним родом Пушкин ощущал особо остро, оттого-то и мыслил «показать историю домашним образом». Да и сама «История Петра» не история ли Отечества, пропущенная через призму семейных отношений?!

Поэт, по его же признанию, всегда «со вниманием вслушивался в генеалогические исследования». Гордился героическими предками, коих не единожды упоминал Карамзин на страницах своей славной «Истории государства Российского». И ту фамильную гордость Пушкин ставил превыше литературных заслуг! Удивительное откровение: «...Предпочитать свою собственную славу славе целого своего рода была бы слабость неизвинительная». Да, неожиданное признание из уст великого поэта.

Важно: для Пушкина понятия «честь Отечества» и «семейная честь» – равнозначны. И не случаен его горестный вздох в одной из последних статей: «Никто не вздумал заступиться за честь своего отечества...»

«Но что в сущности давала Пушкину эта любовь к предкам? – вопрошал поэт и публицист Иван Аксаков. – Давала и питала лишь живое здоровое историческое чувство. Ему было приятно иметь через них, так сказать, реальную связь с родною историей, состоять как бы в историческом свойстве и с Александром Невским, и с Иоаннами, и с Годуновым. Русская летопись уже не представлялась ему чем-то отрешённым, мёртвою хартией, но как бы и семейной хроникой...»

В «историческом свойстве» Пушкин состоял и с Петром I, более того – в духовном родстве с венценосцем через прадеда Абрама Петровича, принявшего отчество августейшего воспитанника.

Как-то забылось, что Пушкин и Пётр родом из одного столетия! Только Пётр в XVIII столетии, «безумном и мудром», завершил земное существование, а Пушкин – явился на белый свет. И разделял их временной разрыв всего лишь в семьдесят с небольшим лет! Зато с русским царём, помимо Абрама Ганнибала, довольно близко знались другие предки поэта. Но не всегда близость к трону даровала им желанные богатство и знатность.

В автобиографических записках Пушкин посвятил горестному событию из фамильной хроники всего лишь одну строчку: «При Петре I сын его, стольник Фёдор Матвеевич, уличён был в заговоре противу Государя и казнён вместе с Циклером и Соковниным».

Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни...

Один из далёких предков поэта, молодой стольник Фёдор Пушкин, сын боярина Матвея Степановича, был в рядах заговорщиков (замечу, Фёдор был женат на дочери одного из них – Соковнина), покушавшихся на жизнь Петра I.

В «Истории Петра» описана та семейная трагедия: «Окольный Алексей Соковнин, стольник Фёдор Пушкин и стрелецкий полковник Циклер сговорились убить Государя на пожаре 22 января 1697 <...>

Пётр приказал гвардии капитану Лопухину в назначенный час быть с командой в такой-то дом (к Соковнину?), а сам, не дождавшись, приехал туда с одним денщиком... Заговорщики захвачены были в Преображенском и казнены четвертованием 5 марта.

Пётр во время суда занемог горячкою; многочисленные друзья и родственники преступников хотели воспользоваться положением Государя для испрошения им помилования...

Петр I накрывает заговорщиков в доме Цыклера 23 февраля 1697 года. Художник А.И. Шарлемань (среди заговорщиков и предок поэта Фёдор Пушкин)

Но Пётр был непреклонен; слабым, умирающим голосом отказал он просьбе и сказал: надеюсь более угодить Богу правосудием, нежели потворством».

С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.

После казни Фёдора Матвеевича, свершённой на Красной площади в марте 1697-го, фортуна словно стороной обходит род Пушкиных.

«Гнев венчанный» пал на одних предков Александра Пушкина, в буквальном смысле поплатившихся головами за мятежный умысел, другие же были Петром жалованы и любимы.

Снискал царское доверие прапрадед поэта Юрий Алексеевич Ржевский. В юности Юрий Ржевский – подпоручик Преображенского полка. Волею Петра отправлен был в Италию учиться морскому делу, плавал затем на русских бригантинах. В 1718 году Юрию Алексеевичу велено было ехать в Нижний Новгород, где в окрестных заволжских лесах нашли прибежище не желавшие отречься от «старой веры» раскольники. Вот их-то, по царскому указу, и надлежало известить Юрию Ржевскому.

В 1722 году Пётр I отправился в Астрахань, а сопровождал его в путешествии Иван Михайлович Головин, другой прапрадед поэта. В мае, будучи со свитой в Нижнем Новгороде, великий государь заезжал отобедать к вице-губернатору Юрию Ржевскому. Сохранилась запись в походном журнале императора: «29 мая; после обеда был у вице-губернатора Нижегородского Ржевского...»

Тот царский визит к прапрадеду Ржевскому помянет поэт и в «Истории Петра». После того, как Пётр осмотрел в Нижнем Новгороде суда и «велел некоторые исправить, обедал у барона (NB) Строгонова; на другой день у губернатора...».

Логично предположить, что на обед в дом к Юрию Ржевскому зван был и его давнишний приятель, Иван Головин. Ведь в молодости они вместе постигали мудрёные флотские науки

в Венеции, одном из красивейших городов Европы, и в тот далёкий майский день оба они предались милым воспоминаниям. Так что историческая встреча двух прародителей поэта (его прапрадедов – по отцовской и материнской линиям) состоялась благодаря Петру I.

Русское хлебосольство было тогда в чести. Однако на обеде у нижегородского губернатора приключился казус: в пироге, испечённом для царской особы, обнаружили... тараканов. К счастью для всего семейства Ржевских, Пётр I, испытывавший к тараканам сильнейшую брезгливость, не притронулся к сему пирогу. Тараканы те были якобы подложены в пирог поваром, подкупленным недругами губернатора.

Эту семейную притчу любила рассказывать кудрявому внуку Александру бабушка Мария Алексеевна. Замечу, Юрий Алексеевич Ржевский приходился ей родным дедом. В пору же царского визита к нижегородскому вице-губернатору Ржевскому его маленькой дочери, в будущем – прабабке поэта, минул всего лишь годик.

Однако в «Историю Петра» фамильную легенду Пушкин, придерживаясь строгих документальных свидетельств, не включил.

Незавершённая история

Не только слово, начертанное на листе, будь то строка государева указа или давнего забытого письма, но «изустные предания» значимы для Пушкина. Всё это драгоценные блески исторической материи, из коей ткался живой образ героя. В памяти современника запечатлелся «очаровательный вечер», что прошёл 6 января 1837-го у австрийского посланника графа Шарля-Луи Фикельмона: «Там образовался маленький кружок, состоявший из послов Франции и Пруссии, Пушкина, князя Вяземского... Разговор был разнообразный, блестящий и полный большого интереса... Пушкин рассказывал нам анекдоты, черты из жизни Петра I, Екатерины...»

Жизнь поэта измерялась уже днями и вот-вот готова была сама обратиться историей...

В 1832 году, в самом его начале Пушкин приступил к работе в архиве, где ему отвели особую комнату для занятий: доступ к секретным бумагам царствования Петра по распоряжению Николая I был для него открыт. В марте поэт через графа Бенкендорфа просит государя допустить ему осмотреть библиотеку Вольтера, купленную его августейшей бабушкой.

Вольтер, «баловень Европы, собеседник Екатерины Великой и Фридриха II», мирно почил в Париже в мае 1778 года. После кончины французского просветителя, поэта, трагика и публициста русская императрица изъявила желание стать владелицей его богатейшей библиотеки. Доверенный Екатерины II в Париже должен был обсудить сие предложение с наследниками Вольтера. Послания самой императрицы к философу также надлежало вернуть в Россию. Племянница Вольтера, став наследницей, уступила книжное собрание знаменитого дядюшки и письма его августейшей корреспондентки за баснословную сумму в пять тысяч экю, что равнялось трём тысячам рублей золотом. Цена поистине царская!

И вот осенью 1779 года корабль, гружённый почти семью тысячами книг и сорока рукописными томами, пришвартовался к петербургскому причалу. Увы, среди книжного богатства (страницы многих книг испещрены были пометками самого Вольтера) не было писем императрицы, они стали достоянием просвещённой общественности позже.

Прибывшую из Франции библиотеку разместили в Эрмитаже, и числились в ней редчайшие фолианты и рукописи, отражавшие царствование Петра Великого. Однако пользоваться собранием вольнодумца Вольтера («Наперсник государей, идол Европы, первый писатель своего века, предводитель умов и современного мнения» – так величал его Пушкин) пытливым читателям строго возбранялось. Лишь для поэта было сделано счастливое исключение.

Образ русского царя предстал на страницах «Истории Российской империи при Петре Великом» – обширном труде Вольтера. К слову, автор имел редчайшую возможность лице-

зреть самого Петра. «Когда я его видел сорок лет тому назад ходящим по парижским лавкам, – вспоминал знаменитый француз, – ни он, ни я ещё не подозревали, что я однажды сделаюсь его историком».

Случилась та знаменательная встреча в 1717 году, во время визита Петра I в Париж. Рискну предположить, что тогда же Вольтер мог встретить и Абрама Ганнибала, следовавшего тенью за своим августейшим покровителем. Но интереса к колоритной фигуре «царского арапа» будущий биограф русского монарха, явно, не проявил. Увы...

«Мудрец на троне – вот мой герой» – собственному девизу Вольтер остался верен, чему свидетельством его солидный научный труд. Правда, со временем взгляды просветителя изменятся: он будет ратовать о замене жизнеописаний коронованных особ историей народов. Перу Вольтера принадлежит и «История Карла XII». Изучив деяния шведского короля, он уверовал, что Пётр «гораздо более великий человек, чем Карл». Ведь русский самодержец был не только полководцем, одержавшим блистательную победу над шведским собратом, но и – царём-законодателем, царём-созидателем. «Один-единственный человек изменил величайшую империю в мире» – верно, это смелое замечание француза не могло не запомниться Пушкину.

Эпитеты, коими «награждает» Вольтер своего героя: «великий государь», «творец новой нации», «превосходнейший адмирал», «лучший лоцман на севере Европы», «превосходный плотник». В историю России император Пётр I вошёл как неутомимый труженик и преобразователь всех её основ.

Славному философу принадлежит и парадоксальная мысль – выбить на посмертном памятнике: «Здесь лежит тот, кто задумал написать историю Петра I». Воистину дерзновенная мечта!

...Пушкин мыслил завершить историю царствования Петра Великого за недолгий срок, приступив к ней вплотную в конце 1834-го. Но огромность работы, некая её безбрежность, не позволила осуществить задуманное. То был титанический труд, почти нереальный для исполнения одним человеком. Знакомец поэта, историк Михаил Погодин сумел постичь значимость того, что успел проделать Пушкин: «В последние годы... Пётр Великий занимал всё его внимание. С усердием перечитал он все документы, относящиеся к жизни великого нашего преобразователя, все сочинения о нём писанные».

Егор Егорович Келер, действительный статский советник, академик и археолог (именно через него Пушкин познакомился с библиотекой Вольтера в Эрмитаже), запомнил слова поэта, гостившего у него в декабре 1836-го: «Я до сих пор ничего ещё не написал, занимался единственно собиранием материалов: хочу составить себе идею обо всём труде, потом напишу историю Петра в год или в течение полугода и стану исправлять по документам».

Не сбылось. «История Петра» осталась незавершённой, хотя Пушкин и полагал вскоре окончить сей труд. Уже разворачивалась перед глазами поэта величественная и грозная картина царствования Петра Великого.

Григорий Александрович Пушкин, внук поэта, давший новую жизнь затерянной рукописи. 1915 г.

Буквально за неделю до роковой дуэли Пушкин, печалась, говорил Плетнёву, что цензура не позволит издать его «Историю Петра». И вот что поразительно: на самом краешке жизни, накануне смертельного поединка – 25 и 26 января, – поэт вместе с Александром Тургеневым разбирал архивные свидетельства, в частности донесения французских послов при дворе Петра I. Как кручинился после Александр Тургенев, что не успел Пушкин завершить начатое: «Он... знал и отыскал в известность многое, чего другие не заметили. Разговор его был полон... любопытных указаний на примечательные пункты и на характеристические черты нашей истории»!

Ему вторил и князь Пётр Вяземский: «В Пушкине есть верное понимание истории... принадлежностями ума его были: ясность, проницательность и трезвость. Он не писал бы картин по мерке и объёму рам, заранее изготовленных, как то часто делают новейшие историки для удобного вложения в них событий и лиц, предстоящих изображению...»

Смерть Пушкина обозначила и предел его разысканиям. Но всё же исторический труд был почти завершён, и верный Жуковский немало порадел, дабы предать его гласности. Однако усилия поэта-царедворца не увенчались успехом – последовал запрет императора: некоторые авторские рассуждения, касавшиеся деяний августейшего предка, Николай посчитал недопустимыми.

Возможно, самодержец был раздосадован, даже оскорблён подобным замечанием Пушкина: «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плод ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего, – вторые вырвались у нетерпеливого самовластного помещика».

Да, такое резкое и чёткое суждение Пушкина-историка претило императору и не могло им быть ни понято, ни принято.

Даже иностранному дипломату в России ведомо об исторических занятиях Пушкина! Зимой 1837-го князь Бутера ди Радали, чрезвычайный посланник Королевства Обеих Сицилий в Петербурге, доносит об озабоченности русского двора в связи с гибелью поэта: «Пушкин был склонен к либерализму, и это было известно императору; не желая, чтобы бумаги и корреспонденция покойника кого-нибудь скомпрометировали, в момент смерти он послал в его дом воспитателя Наследника (Василия Жуковского, воспитателя цесаревича Александра Николаевича, в будущем Александра II. – Л. Ч.) собрать бумаги, сохранить материалы по истории Петра Великого и документы из Государственного архива, а все остальное, что может омрачить память Пушкина и повредить другим, сжечь без рассмотрения».

Друзья поэта жаждали, чтобы «История Петра» увидела свет, а для этого постарались вычеркнуть из рукописи спорные эпизоды. Через три года после смерти поэта цензура всё же разрешила её к печати. Однако издателя, рискнувшего опубликовать неоконченный труд, так и не нашлось. Рукопись Пушкина при содействии опеки, учреждённой над имуществом и детьми поэта, была возвращена его вдове Наталии Николаевне.

Позже небольшие отрывки из пушкинского труда напечатал биограф Павел Анненков. И так уж случилось, что рукописная «История Петра», не увидев свет и не получив читательского признания, вместе с обширной библиотекой поэта отправлена была «в ссылку»: в подвалы казарм Конногвардейского полка. Место хранения было временным и, вероятно, считалось надёжным, так как находилось в ведении генерала Петра Петровича Ланского, командира Конногвардейского полка и второго супруга Наталии Николаевны.

Но каким образом рукопись «Истории Петра» оказалась в подмосковной Лопасне? Как и все пушкинские автографы, книги, письма и документы, она перешла по наследству к старшему сыну поэта – Александру Александровичу Пушкину.

Он-то и почёл нужным перевезти всё это книжное и рукописное богатство из Петербурга в своё имение Ивановское Бронницкого уезда. Часть наследия отца Александр Александрович на время оставил у сестёр Гончаровых, своих кузин, в усадьбе Лопасня-Зачатьевское. Ведь то была не чужая для него усадьба: в ней росли его дети, да и сам генерал любил в ней подолгу гостить.

Фамильному архиву, вернее, его оставленной в Лопасне части, вновь предстоял переезд. Все ящики и сундуки, где хранились рукописи и книги были тщательно пересмотрены и отправлены в подмосковное Ивановское. Один из них каким-то образом затерялся и остался на долгие годы пылиться на чердаке лопасненского дома, пока и не случилась (не забудем, благодаря канарейкам!) счастливая находка. Забытые пушкинские записи вновь обрели голос.

Помимо «Истории Петра» (из тридцать одной пушкинской тетради уцелело двадцать две!) в сундуке оказались и редкостные семейные документы, переписка. Всё то бесценное наследие было спасено благодаря Григорию Пушкину, внуку поэта!

«Рукопись Петра Андреевича Гринёва доставлена была нам от одного из его внуков, который узнал, что мы были заняты трудом, относящимся ко временам, описанным его дедом», – завершает Пушкин свою «Капитанскую дочку». Ведать бы ему, сколь промыслителен тот финал!

Нет, не зря всё же уповал Александр Сергеевич на память и любовь неведомых ему просвещённых внуков!

Дом в Лопасне, как и подобает старинному особняку, – хранитель многих фамильных тайн. И уже раскрытых, и оставленных про запас для новых поколений. Каких только загадочных историй не случалось в его стенах! Помимо главной находки – рукописи «Истории Петра» – подросток Григорий Пушкин отыскал на чердаке шкатулку с... записками великого прадеда.

Так уж случилось: лопасненский особняк задолго до появления чтимого академического «собрата» в Петербурге стал настоящим Пушкинским Домом. А значит – первым в России! Ведь в нём сберегались рукописи, письма, книги из личной библиотеки Александра Сергеевича, его дневник.

Обретённая в Лопасне «История Петра» – история становления новой России – обратилась национальным достоянием. И зримым воплощением пушкинской мечты.

От швейцарского Монтрё до тверского Погорелого Городища

Я приношу пользу миру, в этом весь смысл, вся радость жизни.
Ханс Кристиан Андерсен

Сближения

Пушкин и Андерсен никогда не встречались при жизни. А вот их юбилеи праздновались почти одновременно: в России и Дании.

Будущий сказочник родился в апреле 1805 года в старинном датском городке Оденсе. Его отец был простым башмачником, и в детстве маленький Ханс Кристиан мало чем отличался от своих сверстников.

Всё изменилось для него в четырнадцать лет: в этом юном возрасте он, потеряв отца, принял первое самостоятельное решение – отправиться в Копенгаген на поиски счастья. А счастье ему виделось в будущей актерской профессии. Актёром Андерсену так и не суждено было стать, но благодаря первым своим пьесам он получил стипендию, а значит, и возможность учиться в латинской школе. Потом будут первые поэтические опыты, не оставшиеся без внимания датских знатоков искусств, позже придёт и литературная слава.

Более всего на свете славный сказочник любил путешествовать – за свою жизнь Ханс Кристиан Андерсен совершил двадцать девять путешествий, побывал в странах Европы, Азии и Африки. Познакомился с известнейшими людьми своего времени: Диккенсом и Дюма, Бальзаком и Гюго, Россини и Листом...

В романтическом Нюхавне, старейшем квартале Копенгагена, жил и творил Андерсен.
Фотография автора. 2004 г.

Но вот Россию посетить ему не пришлось и с русским гением Александром Пушкиным увидеться не довелось. Никогда не пересекались судьбы двух поэтов, двух сказочников. Они жили в разных государствах, их разделяло огромное пространство – тысячи земных вёрст и сотни морских миль.

Как необычно признание Константина Паустовского, сделанное им в минувшем столетии: «Понял, что мне просто повезло, когда в канун трудного и великого двадцатого века мне встретился милый чудак и поэт Андерсен и научил меня светлой вере в победу солнца над мраком и доброго человеческого сердца над злом. Тогда я уже знал пушкинские слова: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!» – и был почему-то уверен, что Пушкин и Андерсен были закадычными друзьями и, встречаясь, хлопали, наверное, друг друга по плечу и смеялись!»

Андерсен знал имя русского поэта – ему была суждена более долгая жизнь. В пушкинском же наследии – поэмах, повестях, да и просто в дружеской переписке – имя великого датского сказочника не упоминается.

И всё же в их судьбах, уже посмертных, случались удивительные пересечения, или, как любил говаривать Александр Сергеевич, «странные сближения».

В далёком Датском королевстве в 1835-м опубликован первый сборник сказок Андерсена, а в России увидели свет пушкинские «Сказка о рыбаке и рыбке» и «Сказка о золотом петушке».

В одно время жили два великих сказочника и дарили миру свои чудесные сказки. И какое грустное совпадение: в 1837-м, в роковом для русского гения году, в Дании появилась самая печальная и самая поэтичная сказка Андерсена «Русалочка».

«Сказки и истории... скрываются в мыслях, подобно семени, которому нужен только свежий ветерок, солнечный луч, капля росы, чтобы произрасти, и они становятся цветами», – свято веровал великий датчанин. И ему словно вторил русский собрат: «Что за прелесть эти сказки! И каждая есть поэма!»

Видится в том знак свыше – памятники Андерсену и Пушкину воздвигли в одном году, 1880-м: датскому сказочнику в Копенгагене, в Королевском парке, а русскому поэту – в Москве, на Тверском бульваре.

Правда, проект памятника, созданный скульптором Аугустом Соби, был представлен самому Андерсену – он знал, что будет увековечен в бронзе и что благодарные сограждане воздадут ему должную память. На пьедестале памятника выбиты гордые строки «Воздвигнут датским народом».

Но ведь и памятник Пушкину в Москве был возведён на народные пожертвования: деньги на него собирали всем миром.

Я памятник себе воздвиг нерукотворный...

Пушкин лишь предчувствовал будущее бессмертие, явив те провидческие строки незадолго до смертельного поединка.

Принцесса Дагмар и славный сказочник

Из Дании в Россию, от Андерсена к Пушкину, протянулась одна тайная нить. Сентябрьским днем 1866 года на пристани Копенгагена старый сказочник провожал юную принцессу Дагмар. На корабле «Шлезвиг» она отправлялась в Петербург, чтобы стать женой великого князя Александра Александровича и в будущем русской царицей. Тогда Андерсен пожелал прелестной невесте счастья в чужой стране и втайне вздохнул об её участи: «Вчера на пристани, проходя мимо меня, она остановилась и протянула мне руку. У меня навернулись слёзы. Бедное дитя! Всевышний, будь милостив и милосерден к ней!»

Из старого лебединого гнезда, что зовётся Данией, по слову сказочника, выпорхнула лебедь со славным именем...

Принцессе Дагмар, ставшей супругой наследника русской короны, а затем – могущественного императора Александра III, суждено было объединить два бессмертных имени – Пушкина и Андерсена. Воспитанная на сказках доброго датского гения, в России она, постигая русский язык, читала и переписывала в свою тетрадь стихи и сказки Александра Пушкина.

И не дано было ведать юной прекрасной принцессе, что более чем через полвека ей придётся покинуть ставшую ей родной Россию, где всё будет походить на страшную сказку. И что в Крыму, в одном из дворцов, принадлежавших семье августейших Романовых, где она, к тому времени уже вдовствующая императрица, найдёт временное убежище, её жизнь и покой будет охранять офицер Белой гвардии Николай Пушкин. Родной внук русского гения!

История любит неожиданные и головокружительные повороты...

*Памятник великому сказочнику в столице Дании.
Фотография автора. 2004 г.*

Так уж случилось, что через своих потомков, породнившихся с царской династией Романовых, Пушкин оказался в свойстве и с датским королевским домом. В чреде звучных имён датских монархов и ныне здравствующая королева Маргрете II, столь любимая своими подданными. Наследники царской четы императора Александра III и императрицы Марии Фёдоровны (датской принцессы Марии-Софии-Фредерики-Дагмар) приходились троюродными братьями и сёстрами правнукам поэта!

Пушкинское древо раскинуло свои ветви над миром – потомки поэта живут во Франции и Англии, Италии и Германии, Швейцарии и Швеции. Как знать, не изберут ли в будущем наследники Пушкина себе новую родину – сказочное королевство Дания?

Когда-то, в начале XVIII столетия, здесь побывал прадед поэта Абрам Ганнибал: Пётр Первый, отправившийся в длительное заграничное путешествие, взял с собой и своего любимца.

Случился тот исторический визит 5 июля 1716 года: посольство русского царя, в коем был и темнокожий арап, прибыло в Копенгаген и оставалось там до 16 октября 1716 года.

Рассказывают, что тогда, немало подивив горожан, русский царь въехал на скакуне на самый верх Круглой башни, а Екатерина I, дабы не отстать от мужа, решила последовать за ним, но уже в карете, запряжённой тройкой лошадей. Прежде все – и вельможи, и простолюдины – совершали восхождение на эту высочайшую во всей тогдашней Европе башню пешком, по крутому каменному пандусу. Это та самая знаменитая тридцатипятиметровая башня, возведённая в правление короля Дании Кристиана IV и увековеченная в андерсеновской сказке «Огниво»: «У собаки, что сидит там на деревянном сундуке, глаза – каждый с Круглую башню...» Старинная башня некогда служила двум явно несовместимым целям, являясь одновременно церковью Святой Троицы и университетской обсерваторией.

Двадцатилетний Абрам Ганнибал, вместе со своим царственным повелителем очутившийся в Датском королевстве, был поражён виденными им чудесами и красотой старого Копенгагена. Довелось африканцу побывать и в окрестностях столицы, в великолепном замке Фредериксборг, где у своего венценосного собрата Фредерика IV, короля Дании и Норвегии, почти месяц гостил русский царь. В честь сего достопамятного события в одном из парадных залов дворца, ставшего ныне национальным историческим музеем, установлен бронзовый бюст Петра I.

Пушкин в «Истории Петра» записал, что англичане хотели поссорить царя с датчанами, «но он остался твёрд и старался только не ссориться с Данией».

Правнуку царского арапа Александру Пушкину не пришлось увидеть Копенгаген, не довелось побывать и в Датском королевстве. Но поэт прекрасно знал культуру древней и самобытной страны. Был знаком с посланником и полномочным министром Дании в Петербурге графом Отто Бломе: о нём Пушкин упомянул в своём дневнике. Самая тесная дружба связывала поэта с Владимиром Далем, сказочником и создателем «Толкового словаря живого великорусского языка». Русским по духу и датчанином по крови.

Но, пожалуй, самой необычной и знаковой стала история обретения пушкинского автографа датским сказочником.

Сказочное путешествие

История та восходит к 1862 году и берёт своё начало в Швейцарии, точнее, на Швейцарской Ривьере. Именно здесь, в Монтрё, красивейшем курортном городке, в обрамлении снежных альпийских отрогов, со сбегающими к берегам Женевского озера террасами виноградников, Ханс Кристиан Андерсен знакомится с тремя барышнями: Елизаветой, Вильгельминой и Александрой.

Три русские сестры с нерусской фамилией Мандерштерн. Их отец, имевший шведские корни и приписанный к полтавскому дворянству, по праву считался русским генералом. Был он человеком дерзновенной храбрости: сражался на редутах Бородина, под Тарутином и Малоярославцем в Отечественную войну 1812 года, – светлого ума и благодушия. Имел множество боевых наград, в их числе и орден Святого Андрея Первозванного.

Верно, сёстры отправились в заграничное путешествие, чтобы как то сгладить горечь потери – их отца генерала от инфантерии Карла Егоровича Мандерштерна не стало в апреле того же года, – он умер в немецком Висбадене, врачуя там старые раны.

Господин Андерсен нашёл в русских барышнях интересных собеседниц, знавших литературу, имевших свои оригинальные суждения по вопросам искусства. Сёстры же знакомили прославленного друга с именами известных, самых читаемых русских писателей и поэтов. А одна из сестёр, Вильгельмина, обладавшая приятным голосом, даже напевала славному датчанину народные песни, отчего он приходил в истинный восторг.

Интерес Андерсена к литературе и культуре России был неподделен, да и к писателю доходили вести, что в загадочной северной стране у него немало горячих поклонников. «Я рад знать, – писал Андерсен в августе 1868 года своей русской корреспондентке, – что мои произведения читаются в великой, могучей России, чью цветущую литературу я частично знаю, начиная от Карамзина до Пушкина и вплоть до новейшего времени».

Любопытно, если бы Андерсен приехал в Швейцарию годом ранее, он имел бы редчайшую возможность встретить в Монтрё, на берегу Женевского озера, Наталию Николаевну, вдову Пушкина, давно уже носившую фамилию Ланская. Правда, и тогда, в 1862-м, вдову русского поэта и датского сказочника разделяли немногие вёрсты: Наталия Николаевна гостила тем летом в Австро-Венгрии, в имении сестры Александры, в замужестве фон Фризенгоф.

Именно в Монтрё в августе 1862-го Елизавета Карловна Мандерштерн дала обещание Андерсену, что стал так духовно близок ей и сёстрам, пополнить его коллекции рукописей бесценным автографом Пушкина.

И обещание своё исполнила, но для этого должны были пройти три долгих года. И когда в мае либо в начале июня 1865 года пушкинский автограф лёг на стол в кабинете Андерсена, он не скрывал своего восхищения в письме к старшей из русских сестёр.

Итак, что за неведомая рукопись оказалась в Копенгагене, в доме Андерсена на набережной Нюхавн? И каким образом она туда попала?

В эту невероятную историю вплетено немало имён, и одно из них кузина сестёр – Екатерина Мандерштерн. Милая Катрин была помолвлена с графом Петром Ивановичем Капнистом, писателем, драматургом и поэтом. Её жених числился цензором при императорском дворе, точнее, правителем дел Главного управления по делам печати. Известен был как коллекционер автографов, что для него, надо полагать, не составляло особого труда, ведь рукописи многих именитых писателей и поэтов направлялись к нему на рецензирование. Граф чрезвычайно дорожил оказавшейся в его коллекции рукописной тетрадкой Пушкина и решил преподнести её невесте в качестве дорогого подарка. Страница из той тетрадки, именованной в литературоведении «Капнистовской», была не без колебаний вырвана милой Катрин и передана сёстрам. Уж очень убедительными казались ей их частые просьбы. Какое, казалось бы, совершенно святотатство!

Стоит заметить, что Екатерина Евгеньевна, ставшая госпожой Капнист в ноябре 1862-го, проявляла живой интерес к деятельности супруга, не была и бессловесной особой в литературном салоне, чем славился её дом. Одно то, что графиня Екатерина Капнист состояла в дружеской переписке с Иваном Александровичем Гончаровым, автором знаменитых романов, говорит о многом.

Датскому исследователю Фан дер Флиту чрезвычайно повезло обнаружить письмо одной из сестёр, Елизаветы Карловны, к Андерсену, написанное ею на немецком языке и отправленное в мае 1865-го из Риги. Документ поистине бесценный, ведь заговорила сама дарительница!

«Глубокоуважаемый г-н Андерсен,

Более чем вероятно, что Вы уже забыли нашу встречу в пансионе в Монтрё. Если Вы забыли обо мне, то моё воспоминание о Вас тем вернее, что я, помня о Вас, должна была сдерживать, кроме того, данное Вам обещание, которое преследовало меня в прошлые годы, как кошмар. В конце концов, может быть, Вы сами забыли, что в Монтрё я обещала Вам автограф нашего почитаемого, талантливого поэта Пушкина.

Этот автограф уже в течение нескольких месяцев является моей собственностью; теперь я посылаю его и дарю его Вам, как свидетельство моей преданности и глубокого к Вам уважения. С большим трудом достала я для Вас это сокровище. Эгоизм, глубоко укоренившийся в моём сердце, был близок к тому, чтобы унизить меня и заставить сохранить эту драгоценность для моего собрания автографов. Но мысль о вас, дорогой Андерсен, победила, и я с особенной радостью посылаю Вам приложенный к этому письму пожелтевший листок, который передаёт мысли великого гения. Однако та рука, которая отдала мне эту драгоценность, надеется на любезность с Вашей стороны, уважаемый г-н Андерсен. Это прелестная молодая дама, моя кузина, г-жа Капнист, урождённая Мандерштерн. Являясь одной из Ваших восторженных почитательниц, она просит Вашу фотографию с подписью Вашего имени. Согласны ли Вы на это?

Если бы я знала, что у Вас сохранилось хотя бы слабое представление о тех трёх сёстрах, из которых старшая сейчас пишет Вам, я написала бы Вам ещё многое, но так как я сомневаюсь в этом, то прошу Вас принять мои уверения в искреннем к Вам уважении и благодарном воспоминании.

С уважением, Элиза фон Мандерштерн».

Какое благородство в тоне всего послания, сколь много почитания, любви и одновременно сдержанности в чувствах этой умной милой дамы! Да, ей чрезвычайно трудно расстаться с обрётённым сокровищем, и ведомо, что оно поистине бесценное, но ведь она дала когда-то слово своему датскому знакомцу и выполнит его непременно.

Вид в окрестностях швейцарского Монтрё. Старинная литография

На обложке отосланного в письме раритета Елизавета Карловна сделала надпись (на немецком): «Автограф поэта Пушкина. Листок из собрания рукописей, принадлежащих г-же Капнист. С.-Петербург, 1865». Была и приписка: «Если вы пожелаете иметь перевод этого стихотворения, то я пошлю его вам, как только буду знать, что оригинал находится у вас».

В один из июньских дней 1865 года в дневнике Андерсена появилась запись: «Закончил письмо фрёкен Мандерштерн по-немецки, но не отослал его».

Почему такое решение принял великий датчанин? Уже не узнать, вероятно, на то имелись веские причины. Но в начале сентября того же года Елизавета Мандерштерн имела счастье прочесть ответное письмо, полученное из Копенгагена: «Всемирно знаменитая рукопись Пушкина – для меня сокровище. Примите мою сердечную благодарность. Вы хотите получить мой автограф для г-жи Капнист: посылаю ей маленькое стихотворение на моём родном языке».

Дорога к Пушкину

Но вернёмся к истории самой «Капнистовой тетради» (весьма скромной, без переплёта, из девятнадцати листов), она была собственноручно заполнена Пушкиным в марте 1825 года, когда он готовил к изданию свой поэтический сборник. Александр Сергеевич переслал ту тетрадь из Михайловского брату Лёвушке. А тот должен был передать её другу и издателю поэта Петру Плетневу. Рукопись будущего сборника, с надлежащими указаниями и замечаниями самого Александра Сергеевича, направлялась цензуре.

Но... тетрадь таинственным образом исчезла – ныне ту потерю пушкинисты считают невозполнимой и весьма болезненной. Следы её затерялись в начале XX века, хотя прежде пушкинская тетрадка и побывала в руках известных исследователей, таких как Пётр Александрович Ефремов, библиограф, литературовед, издатель и академик Леонид Николаевич Майков.

Ранее, в начале 1890-х, Академия наук, задумав подготовить издание сочинений Пушкина, обратилась к счастливым владельцам автографов поэта с нижайшей просьбой на время предоставить их ей. И первым, кто откликнулся на сей благородный призыв, стал граф Пётр Иванович Капнист. В архиве Майкова сохранилось письмо графа (от 4 июня 1891 года), с коим тот препровождал драгоценную «тетрадь стихотворений Пушкина, собственноручно им написанных с его заметками по изготовлению их к печати». В конце письма граф Пётр Иванович просил вернуть ему тетрадь «по миновании надобности».

Верно, академик Майков долго не решался расстаться с заветной тетрадкой – почти пять лет рукопись находилась у него. Всё же, как честному учёному, ему достало сил передать рукопись законному владельцу.

Благодаря биографии графа Петра Капниста, воссозданной его дочерью, известно, что он не единожды встречался с академиком и разговор меж ними вёлся о «новом издании Пушкина». А также граф сообщил маститому собеседнику «некоторые подробности о великом поэте, которые были им собраны ещё в юности...».

Вот ещё что интересно. По просьбе Майкова граф Капнист в 1895 году написал статью «К эпизоду о высылке Пушкина из Одессы в его имение Псковской губернии», опубликованную в «Русской старине».

Дело в том, что Пётр Иванович многое знал из рассказов дядюшки Алексея Васильевича Капниста (сына известного писателя Василия Капниста), в юные годы служившего адъютантом генерала Николая Николаевича Раевского, героя Отечественной войны 1812 года. Дружеские отношения связывали Алексея Капниста и с сыном генерала Раевского Александром, приятелем Пушкина. Сам же автор статьи в силу своего возраста (ему исполнилось семь лет, когда умер Пушкин) не мог иметь личных воспоминаний о поэте.

Пушкинисты благодарны за собранные графом редчайшие сведения, но по каким-то неведомым ныне причинам Пётр Иванович ни единым словом, ни намёком не пояснил, как у него оказалась тетрадь с пушкинскими стихами.

За год до столетия Пушкина граф Пётр Иванович Капнист умер в Риме, был похоронен в Греции, на Крите, своей исторической прародине, и весь семейный архив наследовали его дочери.

А вскоре, в апреле 1900 года, не стало и замечательного русского учёного Леонида Николаевича Майкова. Вместе с его уходом окончательно исчезла и надежда отыскать следы «Капнистовой тетради». Где она ныне, Бог весть...

Правда, остались фотокопии с шести её страниц, хранящихся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинском Доме). Но ранее, разбирая пушкинские записи, академик Майков сетовал: «Сперва тетрадь состояла из большого количества листов, но некоторые из них были вырезаны, а остальные сшиты вновь, притом не в надлежащем порядке; вследствие утраты листов одно из включённых в тетрадь стихотворений оказалось без окончания, а другое – без начала».

Её первая драгоценная страница, считавшаяся утраченной, уцелела и ныне как часть архива Ханса Кристиана Андерсена, стала достоянием Копенгагенской королевской библиотеки. Не чудо ли это?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.